

ИГРА, ЖЕНЩИНА И МАТЕМАТИКА

Аннотация. Проанализировано философское значение кавказского охотничьего мифа о сожительстве охотника с богиней охоты. Для раскрытия содержания мифа привлечены данные культур древнего Египта, Рима, обычаи и верования современных народов. Из подобных мифов выведено происхождение игры в кости. Само нумерологическое сведение женщины к единице характеризует то философское напряжение мысли, которое вело к появлению математического вычитания. Представление о нуле и сложении видится более поздним результатом патриархальных нравов.

Ключевые слова: философия, кавказский миф, богиня охоты, нумерология, срок жизни, внутреннее тело, знание, прогностика, игра в кости, счет на пальцах, магия.

1. Женский счет соблазнителен

Есть кавказский охотничий миф. В нем говорится о богине зверей (она же дочь бога охоты) и охотнике, который ее посещает. В обмен на сексуальную связь богиня посылает охотнику дичь под его выстрел. Описывается внешность богини. Она красавица с длинными русыми волосами. У грузинских горцев сванов ее зовут Дали. Один охотник упал со скалы. Дали его спасла, опустив в пропасть свои длинные волосы и он выбрался. Этот эпос начинается словами «Есть женщина некая Дали...» — т.е. мир апокалиптически пуст и в нем только женщина, мужчина (человечество) и звери (медиаторы культуры).

Такая же длинноволосая богиня охоты в мифах абхазов. Волосы — знак ее принадлежности к царству животных. Она — эзотерический образ в зооментальности абхазов. Поэтому охотничий миф можно свести к диаде: «охотник-женщина и звери». Коллизия, обратная привычным представлениям, по которым женщина ассоциирована с домашним очагом, а мужчина пребывает во внедомном «охотничьем» пространстве. Это потому, что ситуация мифа не бытовая, а культурогенетическая.

У абхазов есть сюжет, согласно которому богиня приходила ночевать к одному женатому мужчине в его свайном амбаре для зерна. Жена мужчины увидела утром свешивающиеся сквозь пол волосы богини и их отрезала. Богиня прокляла женщину и ее потомство, сказав, что оно будет немногочисленным. Миф отнесен к очень редкой абхазской фамилии. В нем нас интересует мотив

зооментального влияния на численность человеческого потомства.

Другие версии кавказского охотничьего мифа и соответствующее высокоритуальное поведение в очень выраженной форме бытуют у абхазов. Все мужчины там любят охоту, но, как говорят, «не все ею приняты». Перед уходом в горы охотник не спит с женой. Должен туда уйти незамеченным. В начале пути перешагнуть надо ружье. Он готовится ко встрече с дочерью бога охоты. Ее зовут Тымра. Она прообраз лермонтовской царицы Тамары, которая жила в замке, принимала гостя-смельчака и проводила с ним роковую для него ночь. Здесь зооментальная богиня ограничивает срок человеческой жизни.

Диспут о сроке сожителства идет у охотника с Тымрой. Если абхазский охотник в первый раз встретил прекрасную дочь бога охоты, то она молча показывает ему обе ладони (10 пальцев). Надо отрицательно качнуть головой — тогда она один палец загибает. Затем еще один и так надо дойти до последнего пальца — один год будет длиться их союз. Только самые сильные мужчины могут выдержать два года. Такие охотники обычно сходят с ума. Даже в удачном варианте количество добытой дичи тоже будет ограничено — голов 70 (примерно средний срок активной жизни охотника). Один старый охотник, мой знакомый, случайно убил одной пулей двух коз, стоящих на тропе, он поплатился за это болезнями и больше не охотился.

Получается, что добыча охотником дичи отражает модель выпрямленного срока человеческой жизни. Туша дичи — маркер времени. Но именно так: по частям туши чеченцы в старину определя-

ли большие (эры), средние (11-летние периоды) и малые (годовые отрезки времени). 11-летний цикл еще изображался у чеченцев распяленной на кресте шкурой барана. Такой палладиум благополучия назывался «золотым руном»¹.

Что происходит в кавказских горах? Там разыгрывается архетип человеческой жизни, по которому человек наделен долей, своим счастьем. Но нужны усилия, чтобы реализовать свою судьбу, т.е. архетип жизни. Эти положительные и отрицательные усилия подсчитываются. *А сама Вселенная нумерологически организована.*

2. *Внутреннее тело и узнавание человека*

Вот один обычай, поразивший меня в горах Абхазии. Там, когда человек ночью пьет воду из источника, его товарищ должен громко произносить имя первого. Если человек в одиночестве и хочет напиться воды, он должен сам сначала громко три раза произнести свое имя. Обычай мне объясняли тем, что произнося имя, себя представляют водной богине Дзыдзлан или же от нее защищаются. Как видим, это поведение близко кавказскому охотничьему мифу: в обмен на благо через имя предоставляют самого себя.

Обряд произнесения имени маркирует событийность, но не социальную, а личностную. Эта событийность, являющаяся и процессом, и структурой, удивительна. Она создает такую виртуальную реальность, которую гештальт-психологи называют «ага-реакцией», но нам лучше именовать «ага-реальностью». Ее точно обозначил мой знакомый охотник из Подмоскovie. Когда он обнаружил лисицу, попавшую в капкан, он произнес: «Ага, попалась!». Смысл события, доказывал Ж. Делёз². Мы бы добавим: виртуально-событий и агонален. Описанная ситуация результат столкновения стратегий охотника и зверя. Но вернемся к кавказским охотникам.

Человек, произнося имя при набирании воды, ритуально бездействует — он получает благо божества воды как дар. Собственно, даром от богини охоты является также дичь — охотник ритуально бездействует. Перед нами событие-бездействие, предполагающее неполноту субъекта и реализацию его потребностей в полноте. Ожидание

архетипической полноты характерно для виртуальной реальности. Состояние находящегося в ожидании человека устремляет его ко встрече с богиней охоты или воды. Богиня воды узнает его по произнесенному имени, т.е. по выдохнутому *внутреннему телу*.

Узнавание, столь значимое для Аристотеля, важнейшая проблема в виртуально-бытийном плане. Еще раз посмотрим, как охотник узнает богиню. В кавказском мифе признак богини её красота и особенно светлые волосы. Они даже светятся. В приведенной выше версии о богине в свайном амбаре мотив волос семантически связан с ее влиянием на родильную деятельность людей. Тогда сделаем вывод, что сванская богиня, опустившая в пропасть свои волосы для спасения охотника, моделирует подъем зародыша-дителя птицей (мотив аиста, приносящего ребенка). Следовательно, волосы богини не только внешний знак её пола, но и знак выведения наружу *зародыша — внутреннего тела женщины*.

Охотник узнает богиню по её внутреннему телу, явленному внешним признаком. Это её тело в философском смысле — женская телесность. Своим внутренним телом, находящимся вне её в охотнике богиня «вброшена в мир», говоря терминологией М. Хайдеггера, или находится в состоянии «быть-вне-себя», по терминологии Ж.-Л. Нанси³.

Но охотник — это только эпизод женской устремленности к границам Вселенной. Волосы богини и реальной женщины — знак этой её устремленности. Недаром старики-чеченцы считают, что черт крутится около женщин, поскольку у кого-то из них есть золотой волос, по которому можно путешествовать между мирами (запись 1987 г.). Женская телесность светоносна и эфирна.

Теперь посмотрим, как узнается охотник. Тоже по его атрибуту: ружью. Выходя из дома, он должен, положив его на землю, через него переступить. Это и есть ритуал узнавания охотником самого себя. Он кладет ружье на землю, которая хранит зародыши. *Ритуально он сам становится зародышем*. Ружье и зародыш тяжелые. Недаром о беременной у разных народов говорят «она тяжелая». В старину у горцев Кавказа нельзя было держать ребенка на руках при людях, его немедленно клали на землю: ситуация возвращалась в самое изначальное состояние, когда люди

¹ Материал, собранный С.-М. Хасиевым и сообщенный мне в ходе наших совместных экспедиций по Чечне в 1980-1990-е гг.

² Делёз Ж. Складка, Лейбниц и барокко. М., 1987. Глава «Что такое событие?».

³ Нанси Ж.-Л. Corpus / Сост., общ. ред. и вступит. ст. Е. Перовская. М., 1999. С. 17.

не были размножавшимися, а были духами. Того же происхождения древнегерманский обычай, по которому, если мужчина поднимал с земли новорожденного, то это был знак признания его своим ребенком.

У ружья еще одна символическая функция — оно служит мужским знаком *достоверности*. У горцев Кавказа на надгробном памятнике мужчине изображали саблю и ружьё, женщины — ножницы. В версии мифа, где жена увидела охотника с любовницей, первая орудует ножницами не случайно. Знак достоверности не просто внешний атрибут. Ружьё охотника, наносящее раны, само знак этой раны, которая служит знаком достоверности мужчины. Тело мужчины должно иметь раны. Шрам на колене Одиссея великолепно обыгран в знаменитой поэме: вернувшийся царь в образе нищего всё равно признан служанкой Евриклеей по этому шраму, когда она мыла ноги «страннику».

В нормальном первобытном обществе первые шрамы мужчина получал мальчиком во время возрастных инициаций, они были следами ран, нанесенных старейшинами. В фольклористике этой темы касался В.Я. Пропп⁴. Добавим еще доказательства К.Г. Юнга, согласно которым раны и кровотечения у мужчины моделируют периодические кровотечения у женщины⁵.

Итак, с мужской телесностью та же ситуация, что и с женщиной: мужчина узнается по крови, по внутреннему телу, эксплицированному как внешнее у женщины. Ясно, что, телесность сама по себе лишена пола. Но она получает гендерность через ритуал выведения наружу внутреннего тела.

3. *Время и тактильная телесность*

Описанные трансформы возможны, если мышление оперирует с телом, лишенным органов, то есть с телесностью. Такое тело целостно⁶. Поэтому оно больше занимаемого им пространства. В сущности, такое тело равно границам Вселенной, оно апокалиптично.

Зато это сверхпространственное тело трансформируется во времени. Именно причастность ко времени подчеркнута в кавказском охотничьем

мифе: богиня погибает пальцы-годы. Она сокращает фактор времени, повышая статус пространственности своего тела, предназначенного охотнику. Вот тогда-то её тело оказывается вброшенным в мир из беспредельного пространства. Оно обретает тяжесть и протяженность, чтобы быть вброшенным в мир.

Максима «всеу своё время» разнообразно звучит в культурах горцев, где я фиксировал охотничий миф: у абхазов, сванов, осетин, балкарцев и карачаевцев, ингушей и чеченцев. Острое переживание краткосрочности человеческой жизни при пространственном сокращении вселенной привелось отметить у последних. Чеченские старики, когда хотят выразить эту мысль, говорят фразу «дуinea вайн дац». Буквальный перевод «Вселенная не наша», но смысл по-русски лучше всего передается народным выражением «эх, ма, жизнь!». У абхазов популярно суждение, что «мы все в гостях у Бога».

Повсюду на Кавказе существует запрет считать людей. В бланках трудовых договоров, которые мы заполняли с горцами водителями или проводниками, была пропечатана строчка «количество детей». Мои друзья всегда указывали неверное число. В силу витальной составляющей в телесности. Она неизмерима. А вот количество дичи, определенной охотнику, отмерено. Здесь дичь переводится в состояние конкретных тел. Это благо измеримо. Примечательно, что тушу, принесенную в село, сам охотник никогда не должен делить — он остается в состоянии телесности и благодати. Ведь у телесности нет места. Это *пустота*, в которой присутствуют ресурсы благ и возможность человеку стать охотником или кем-нибудь ещё.

Если блага из пустоты, то какой же смысле в её заполнении касанием? А никакого. Потому-то касание так строго регламентировано везде. Регламентирована дистанция общения, например, очень большая у англо-саксов и короткая у арабов. Очень большая у абхазов, очень короткая у грузин. Бывая в Сухуми, я узнавал, кто сел рядом в троллейбусе: Если человек извинялся, даже меня не коснувшись — абхаз. Тесно прижавшись и начиная общаться — грузин. В последнем случае видна ближневосточная телесная традиция.

И повсюду запрет на касания между мужчиной и женщиной. Это табу служит сохранению целостности телесности с её ресурсами блага. Женщина — носитель целостности, целомудрия. В детстве нам дают игрушки — изображения людей. Они нас учат, чего нельзя касаться во взрослой жизни.

⁴ Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986. С. 299-300.

⁵ Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 391.

⁶ Нанси Ж.-Л. *Corpus* / Сост., общ. ред. и вступит. ст. Е. Перовская. М., 1999. С. 215.

Телесность, окруженная табу, хранит благо: в русском быту и по сию пору кое-где веревку, на которой покупатель поведет купленную корову, он принимает не голой ладонью, а хотя бы обернув её рукавом. Вот и хлеб гостям подают на полотенце: с телесностью нет контакта. Так возникла одежда — как хранилище телесности⁷.

Теперь обратимся к интерпретации К. Леви-Стросом мифа американских индейцев о небесных женщинах, которые выступают то куропатками, то утками. Он считает, что взаимодействие героя с ними происходит через касания, это моделирование способов ловли этих птиц⁸. У великого структуралиста много таких натуралистичностей, но, при всем том, мы должны быть ему благодарны за разработку проблем дикарской философии. А птицы-женщины суть ментальные образы отделившейся тактильности, образы внутреннего тела Вселенной, сами способные порождать телескопию новой жизни. В русском быту кладут на голову ребенка кисти рук, снимают и говорят «гули-гули, полетели-полетели». Эти тактильные жесты рук «вбрасывают» ребенка в мир и он растет, развивается.

4. *Рука, знание и вброшенность человека*

Владимир Германович Богораз-Тан (1865-1936), народоволец, сосланный в 1889-1899 на 10 лет к чукчам, выучивший их язык, записал такое представление у этого народа. Считается, что днем реальные вещи их быта молчат, когда разговаривают люди. Но они начинают говорить ночью, когда люди спят.

Голоса этих вещей, сделанных рукой человека и вброшенных в мир — воображаемый синтез, объединенный только мыслью. Мыслеобразы возникают из синтеза самых невероятных качеств. Вот скандинавским богам потребовались самые прочные путы для привязывания волка Фенрира. Эти путы по имени Глейпнир им сделали гномы из следующих материалов: из шума шагов кошки, бороды жены, корней горы, из сухожилий медведя, дыхания рыбы и слюны птицы. Эти невозможные синтагмы рационально возможны, ибо слюна находится на бесконечном расстоянии от птицы, как и дыхание от рыбы и т. д. Находясь на дистанции от реальных вещей, перечисленные предикаты

образуют мыслимое единство, занимающее непонятное место «путы Глейпнир». Мысль, организующая мифологический образ пут Глейпнир, вовсе не покидает это место. Но она действует, позволяя символически-игровой реальности обрести самостоятельный когнитивный статус. Исполнители и слушатели скандинавских саг, используя никак непреодолимую дистанцию, черпали этический подъем и эстетическое удовольствие, различая художественные конфигурации от реальных.

Так-то оно так, но ведь скальды в своей ментальности эпическую поэзию мыслили неотъемлемой жизнью богов и героев. Значит, обыденная повседневность была частью более широкой символической реальности, художественно выраженной.

Но почему знание вообще находится в невероятном месте? Устройством пут Глейпнир может владеть дракон. Сверхзнанием обладает также, скажем, кентавр Хирон, наставник Тесея, Ясона, Диоскуров и Ахилла. Потому что Ничто, если оно только лишь помыслено, наполняется сразу тем, что удалено от тривиальной реальности — прежде всего *знанием*. Имя мудрого кентавара Хирона происходит от греческого слова, означающего «руку». Он ведь нянчил на своих руках маленького Ахилла. А самого Асклепия обучал врачеванию. Видно, непростая рука был у кентавра Херона, а с явной благодатью. Это она соединяла обычный мир, где страдают, с описанным выше недоступным местом, откуда выходит самая невозможная мысль. Как это происходило и при чем здесь рука?

Есть мыслеобразы краткосрочные, хотя и популярные. Другие, подобные китайскому дракону, живут тысячи лет на манер универсалий. К долгоживущим можно отнести кантовское утверждение, что наше бытие состоит из полагания вещей самих по себе. Такие вещи можно только созерцать, находясь в чисто теоретическом отношении, что, по словам А.В. Ахутина, было отмечено еще Пифагором⁹. Дракон тоже живет, сам себя полагая. Он лишь метафора внешнего мира¹⁰. Сила перечисленных полаганий в их самодостаточности, а не в истинности или ложности, и в том, что они, будучи устройством сознания, породили если не эпохи, то цивилизации, поставляя людям фонд мотиваций для труда, отдыха и искусства.

⁷ Чеснов Я.В. Тело в облачении одежд // Лекции по исторической этнологии. М.: Гардарики, 1998. С. 209-233.

⁸ Levy-Strauss C. Mythologies .Т. IV. P. 36-367.

⁹ Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб., 2007. С. 283.

¹⁰ Чеснов Я.В. Дракон: метафора внешнего мира // Мифы Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1985.

После Канта следует отметить упорное отстаивание Э. Гуссерлем идеи о направленности сознания. Оно устремлено на вещный мир. Сознание возможно только как сознание о чем-то, т.е. оно интенционально. Сознание, обращенное в мир, выступает *интенциональным синтезом*. Таким синтезом является образ.

Ж.-П. Сартр, развивавший мысли Гуссерля, подчеркивал интенциональную и образную природу сознания. Согласно Сартру, сознание направлено, к примеру, не на визуальные или тактильные данные, а на внешнюю вещь. Например, на красноту чего-либо.

Значит, рука, создавшая вещьность, заполняет пустоты знания. В этом смысле любая вещьность реальна. Поэтому образ дракона или образ кентавра, играющего на флейте, заполняет место в нашем сознании. Иначе говоря, рассуждал бы Сартр, кентавр реален в сфере Ничто¹¹.

Проблему Ничто поднял еще в 1929 г. М. Хайдеггер в работе «Что такое метафизика?». Он отнес Ничто к области сущего, лежащего в основе *Dasein* (здесь-бытия). Это сущее нам чуждо, считает Хайдеггер и поэтому оно нас удивляет. Еще бы, оно ведь маловероятно, как кентавр с флейтой или дракон с жемчужиной. В пределы Ничто, видно, без изощренно ловкой руки не проникнуть.

Возникает потребность вопросительного отношения к миру, вопрошания¹². Хайдеггеровская схема познания построена вокруг специфики вопрошания. Она акцентирует не столько мышление, сколько созерцание. Время им рассматривается как форма созерцания. И в этом созерцании первейшую роль играет воображение — способность к синтезу.

Синтез в разных философских традициях рассматривается как подоснова образа, в том числе художественного. Сейчас настал черед сказать о художественном синтезе кентавра — образа коня, маркирующего открытые неизведанные пространства («где и конь не валялся» говорим мы о чем-то мало известном) с человеком, в те пространства вечно устремленного. Потому-то кентавр носитель мудрости и он может из той дали, «где и конь не валялся», разложить по частям наше ближайшее. Вопрошание как разоформление, как деструкция Хайдеггера и деконструкция Дерриды наделена исходностью философской позиции.

¹¹ Сартр Ж.-П. // Логос-92. № 3. С. 109-110, 114-115.

¹² Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. В.В. Бибихина. М., 1993.

В антропологии вопрошание имеет свою специфику: оно небеспредельно, ибо далеко от вещи и руки не отходит. Здесь научно разоформленная вещь чаще всего лишь преобразуется, показывая свои новые стороны. С какой бы стати дракон (по-гречески «островидящий») этим качеством схож с китайским драконом-луном, основная черта которого — острое зрение? Это вопрос антропологической корреляции, или универсалии.

Вернемся к тем проблематизациям, которые вызывают удивление и нуждаются в привлечении воображения. Уж коли вещи положены сами по себе, то мы не можем ощущать их в их сущности, но можем понимать. Поэтому умопостигаемые синтетические образы можно считать *мыслеобразами*. Можно еще их определить как своего рода ментальные конфигурации. При первом приближении такие синтетические образы узнаются, а не познаются. Ведь после рефлексивного распредмечивания синтетический образ исчез бы. Мысль как удивление и вопрошание сохраняет до поры и времени целостный мыслеобраз, его стабилизирует как образ довольно нелепого кентавра. Невероятные фольклорные мыслеобразы составляют суть народной художественной культуры¹³.

А.М. Пятигорским было сказано, что знание представлено в мифе без перерывов и регрессий, без дления и остановки¹⁴. Такую расплывчатость мифологического знания приписывают мифопоэтическому сознанию, наделяя его иррациональностью. Отсюда распространенное противопоставление его рациональному знанию. Это неверно. Но ведь если мысль, как было только что сказано, цементирует образ, то мифопоэзис тоже рационален. И в нем есть дление-ментальность и организованность. Только речь может идти другой логике — ценностно-ориентированной, основанной на целесообразном движении руки.

К. Леви-Строс показал, что у дикарей существует вид логики, которую он назвал бриколажем (игрой отскоком). Там явление жизни, его целостность не распредмечивается, а сохраняется,

¹³ Чеснов Я.В. Эстетические онтологии народной жизни // Научные записки отдела народной художественной культуры. Современные художественные практики. М.: Гос. инст. искусствознания. 2007. С. 191-211.

¹⁴ Пятигорский А.М. Мифологические размышления. М., 1996. С. 10.

только трансформируясь при соприкосновении с медиатором. Так человек называет себя тем или иным тотемом и ориентируется в социальных отношениях и в природной обстановке.

Мышление отскоком подозрительно похоже на символически-игровое: ход и конструирование следующего хода в зависимости от медиатора-партнера. Этот партнер по игре представлен вещами бытия, положенными сами по себе. Внешний мир сам говорит с собой и общается с нами. Эту истину хорошо знают люди архаических культур. И знают, что *рука — посредник в отношениях с внешним миром.*

5. Собака в сознании Диогена

Но вот ночь со столь специфичным ночным сознанием, где, кажется, все возможно? Уж тут приволье призракам, живущим в экологии лунного света. Ну, и что такого? «Тьма», «Луна» и «звезды» — это философски очерченные места, локусы *организованности мыслеобразов.* Добраться до этих мест не так просто, ибо там задана иная организованность, а расхожая мифопоэтичность не средство для преодоления логических разрывов.

Способ, пожалуй, иногда более надежный, чем блуждания дневного сознания, которое калейдоскопически ярко, но разрознено. Именно об этом, о визуальной перегрузке дневного сознания говорит нам факел киника Диогена, который он носил и днем. Факелом и обнажением своего тела, *выведением его наружу* философ проповедовал рациональное мышление ночи.

Не случайно, что после смерти ему был установлен памятник в виде изображения собаки, ночного хтонического животного. Диоген был продолжателем сократовской традиции. Если у Сократа была развита майевтика, искусство ментального повивального ремесла¹⁵, то Диоген сосредоточен на теле, своем собственном, и винной бочке, где он жил. Последователи Диогена называли себя «сторожевыми собаками нравственности». Это не только философское иносказание, но также указание на не дошедшие до нас мыслеобразы, бывшие в ходу у греков в IV веке до н.э.

Я имею в виду комплекс мыслеобразов, сосредоточенных вокруг полюса порождения жизни, как у Сократа, или исходных начал и даже сотворения человека, как у Диогена. Кинизм последнего, фа-

кел как эмблема ночного сознания, маркировка этого сознания винным сосудом-пифосом — все это отсылает нас к общечеловеческому мифу о сотворении человека.

В якутской версии Бог в подземном помещении создал фигуры людей, но души решил им вдуть на следующий день. На ночь он решил оставить стража. Дьявол соблазнил стража пестрыми одеждами и тот впустил носителя злого начала внутрь. Дьявол, обмазав фигуры экскрементами, наделил будущих людей пороками. На следующий день Бог увидел содеянное. Он сказал стражу-собаке, что та теперь вечно будет носить пестрые одежды. Аналогично все происходит в алтайском варианте. В русской версии дьявол сделал в болванках 70 дыр — появилось 70 болезней. (Вспомним о 70 горных коз, дарованных кавказскому охотнику). Этот миф известен тибето-бирманским народам на берегах Бенгальского залива. Его мотивы есть в еврейской истории о благочестивом человеке, слушавшем слова мудрости у светового отверствия на крыше дома знания.

Во всех версиях наличествуют общие места-размещения: *закрытое темное помещение, творение человека из первоначальной несоматической субстанции, противостоящая богу сила, присутствие собаки, созданной раньше человека.*

6. Игра в кости на женщину

Двойственное отношение собаки к порождению человеческой жизни неожиданно раскрылось при обращении к прогностическим практикам, в частности к истории игры в кости. В Греции и Риме были популярны игры в кости с помощью кубика. На его 6 гранях были нанесены цифры от 1 до 6. Благоприятными числами считались 1, 3, 4, и 6. Выпадение этих цифр называлось «Венерой», или соответственно «Афродитой». Остальные цифры считались неблагоприятными и назывались «собакой». Римский сатирик Лукиан оставил свидетельство, согласно которому с помощью игральной кости один молодой человек гадал о любви. Но большинство играло на деньги и сильно продувалось.

За целые тысячелетия до Лукиана игра в кости была известна в древнем Египте. Тут она называлась «Гончие псы и шакалы». Опять собачьи коннотации настольной игры. Игра, но развлечение ли? Один из главных египетских мифов посвящен богине Нут. Она сочеталась со своим братом Гебом. Но бог воздуха Шу их разделил. И Нут стала

¹⁵ Чеснов Я.В. Сократ и топы архаики // Ориентиры. Вып. 4 / Отв. ред. Т.Б. Любимова. М.: ИФ РАН, 2007. С. 98-118.

богиней неба. Ее изображали коровой, держащей на спине сына Ра, бога солнца. Представляли ее также в образе женщины, ногами и руками опирающейся на землю. Тогда ее тело было покрыто звездами. Иначе говоря, Нут — богиня ночного неба, ночи. Это она в конце дня проглатывает Ра, который утром появляется снова. Далее следует любопытная интрига.

За свою преступную связь с братом Гебом на Нут было наложено проклятие: она не сможет родить ни в один из 360 дней первоначального египетского года. Тогда Тот, бог мудрости, стал играть с Луной в кости. Он выигрывал у нее части времени, которых хватило на 5 дополнительных дней года. И Нут смогла в те дни родить пятерых своих потомков, включая Исиду и Осириса.

Значит, в Египте игра в кости была прямо ассоциирована с женской родильной деятельностью. Тот, бог мудрости, счета и письма, не чурался споспешествовать столь интимной цели. И это нам помогает понять, почему в Греции и Риме выигрышное положение кости называлось именем богини любви. *Игра, в сущности, шла на женщину.*

Раз уж это сказано, то самый яркий пример — Махабхарата. Поэма о борьбе Кауравов с Пандавами, самый большой эпос человечество, насыщенный всем: от театральных сюжетов до философских сочинений. А началось все с проигрыша в кости. Благородный Пандав Юдхишхира проигрывает коварному Шакуни свиту, царство и жену Драупади. Примечательно, что Кауравам хочется завладеть даже платьем Драупади. Только один из Кауравов, Дхитараштра, оставляет бедной Драупади три желания. Она просит исполнить только два: дать свободу мужу и другим воинам. Из-за верности Драупади и проявленной ею мудрости Пандавы стали способны в бою отстоять справедливость. Но это уже иная история — об Арджуне, герое Бхагаватгите и философской теме иллюзорности воспринимаемого нами мира.

То, что призом в игре в кости является женщина и что эта игра относится ко времени ночи, подтверждает этнографический материал. Сошлюсь на монгольскую игру молодежи, называющуюся цаган мод¹⁶. Играют ночью две партии. Пользуются

костью животного или палкой без коры (*цаган* по-монгольски «белый», *мод* — «палка»). Эту палку перебрасывают через юрту или дом. Другая партия ищет в траве этот предмет. Во время общей суеты симпатизирующие друг другу парень и девушка успевают обменяться даже ласками.

Бросание палки через дом несет эротическое значение. Это можно подтвердить якутским обычаем, по которому сватающийся жених подходит к дому будущего тестя и через дом последнего перебрасывает свою обувь.

В монгольском, как и в якутском ритуале маркировано жилище, но не как таковое, а как место, находящееся в нулевом положении. Место, где начинается самая серьезная игра в жизни. Если так, то мы касаемся одного из широко распространенных мифов человечества о творении Богом первых людей в темном помещении.

Чтобы продолжить тему, рассмотрим иные призы в мировых играх в кости. Этими призами выступает в той или иной форме свобода человека. Тацит отмечал, что германцы любили эти игры. Ставкой делали собственное тело. Проигравший превращался в раба.

В средневековой Европе была хорошо известна история с игрой в кости Бернара Клервосского. Его партнер, большой грешник, хотел выиграть у святого человека его коня. В те времена обладание конем практически означало статус свободного человека. Бернар играл за душу грешника, тот в случае проигрыша должен был покаяться. Кость Бернара все же на одну единицу оказалась больше.

Вооружившись столь разнообразными знаниями, мы снова можем обратиться к истокам игры. В древнем Риме игра в кости носила иногда черты поветрия. Ею увлекались не только солдаты, но и императоры. Вспомним гигантский проигрыш Августа. Издавались ученые сочинения о том, как выиграть в кости. Была в ходу целая система плутовства.

Но вот на что надо обратить внимание. В те периоды, когда в Риме шла борьба с азартными играми, прибегать к ним разрешалось только в Сатурналии. Этот праздник, посвященный богу Сатурну, ипостаси греческого Крона, бога времени. Считалось, что Сатурн покровительствует деторождению. Праздник проходил в дни зимнего солнцестояния. Отмечался спокойный период от сельскохозяйственных работ. Он носил черты праздника урожая. Положено было в семьях колоть свинью. Винопитие, конечно, не забывалось. В концептуальном плане Сатурналии считались

¹⁶ Автор выражает глубокую благодарность польскому монголоведу Ивоне Кабзиньской-Ставаж за обсуждение многих философско-антропологических вопросов и за эти данные.

остановившемся временем. В течение 12 ночей к живым якобы приходили мертвые. А в плане социальном рабы получали свободу. Они надевали платья свободных. А их хозяева должны были прислуживать за столом. 12 ночей здесь символизируют 12 месяцев предстоящего года.

А упомянутый выше Лукиан сообщал, что во время Сатурналий людям ученым следует делать подарки в двойном размере. А вот если бедняк подарит богачу книгу древнего автора или свою, то богач обязан эту книгу немедленно прочитать.

Откуда эта увязка остановившегося времени, начального, родильного, игрового с письмом, как в египетской истории с Тотом, со знанием, как в последнем эпизоде? Мне кажется, что дело именно в остановке времени, когда мы можем обратить внимание на женщину, попробовать ее выиграть, а ей, родильнице, дать возможность произвести детей. Всему этому должно быть отведено соответствующее время. Женщина — такой мысленный образ времени, который ломает социальное время, разбивает его вдребезги. Его деконструирует. Она правит витальным временем нашей жизни. Вот какое знание.

Тут уместно высказать предположение, что витальное время само по себе способно деконструировать устоявшуюся реальность и соединять нас с континуальным уровнем невозможного, придав смысл тривиальным земным размещениям.

А пока отметим, что киник Диоген идет по всем этим размещениям, манифестируя ночное творение человека (его объяснение, что он носит фонарь днем, чтобы увидеть человека — скорее насмешка), живет в закрытом темном помещении (в пифосе), берет на себя роль собаки, предшествовавшей творению человека.

7. *Девушка с гидрией* *и табло континуальности*

Невероятные свойства пут по имени Глейпнир помогли нам составить представление о некоем бесконечно удаленном месте, где сходятся невозможные вещи. Было сделано утверждение, что в той точке находится вынесенная вовне мысль, уравнивающая и тем самым сплавляющая воедино, скрепляющая предикаты образа прочнейших пут для обуздания мирового волка Фенрира.

Теперь добавим к этому новое наблюдение: находящаяся в бесконечно удаленном месте мысль сама бесконечна, континуальна. Благо-

даря континуальности мысль втягивает в себя любые свойства, которые можно помыслить. Она включает реальный когнитивно-художественный процесс. В данном случае конкретный эпический жанр саги.

Во внеположенном месте, где любые помысленные свойства перетекают друг в друга, образуется *табло континуальности*. Если в архаике это табло сведено к переходам между природой и культурой («медиатор» у Леви-Строса), то в мировых религиях, так или иначе, действует воля Божия. А в быту мы часто прибегаем к сентенции, что «жизнь всегда права» — это тоже табло континуальности.

Функция табло континуальности, сокровенного места мысли, аналогична укрытому от посторонних глаз гнезду, в котором подрастают птенцы мысли и, встав на крыло, оттуда спускаются. Такой образ восходящей и нисходящей мысли на суховатом языке философии я назвал *рекурсивной петлей*: мысль начинает восходить топоментально, достигает табло континуальности, получая себе оправдание, и потом спускается в некую локализацию, в морфемную структуру¹⁷. Нечто подобное уже высказывал М.К. Мамардашвили в книге, названной «Стрелой познания»¹⁸. Рекурсивная петля мысли составляет логическое основание художественных образов.

Перейдем к интересующему нас изображению на древнегреческой гидрии. В рассмотренном ниже образе льва-охранителя, который представлен маскаронном с истекающей струей, неперспективно искать объяснения в натуралистических качествах объекта: ну, какой из львов охранитель, коли этот хищник использует свою мощь только для нападения. Лев-охранитель столь же невероятен, как и путы Глейпнир. Как раз невозможное для поведения льва может стать конденсированной мыслью о нем как охранителе.

Попробуем с позиций когнитивной антропологии отнестись к такому известному и высоко ценимому искусству, каким является древнегреческая вазовая живопись. А из последней выберем обычный предмет быта — гидрию, сосуд, с которым незамужние девушки ходили за водой к источнику.

¹⁷ Чеснов Я.В. Ландшафт и мышление // Труды членов РФО. Вып. 10. М., 2005. С. 145-152.

¹⁸ Мамардашвили М.К. Стрела познания. Набросок естественнонаучной гносеологии. М., 1996. С. 245-285.

Гидрии бывали иногда бронзовыми, серебряными, но в основном керамическими. Они имели две боковых коротких ручки и одну вертикальную, используемую для поддержания сосуда с водой на плече. Керамические гидрии расписывались мифологическими сюжетами.

Толчок всем нижеследующим рассуждениям дала статья известного отечественного историка Бориса Леонидовича Богаевского (1882-1942) «Лев-охранитель», опубликованная еще в 1911 г., если я не ошибаюсь, его первая солидная публикация¹⁹.

Наше внимание привлекают экземпляры с сюжетом, отражающим бытовую ситуацию, где девушка пришла за водой к источнику. Она поставила сосуд под струю воды, бьющую из пасти головы льва, а сама ждет, подняв руку с жестом пальцами, адресованным, очевидно, маскерону (большой маске) льва, оформляющего источник. Богаевский обратился к античному обычаю устраивать родники так, чтобы струя изливалась через рот маски бородатого Борея или пасть льва. В Греции маскарон льва на источнике назывался «лев-охранитель». Об отведении воды с крыш через львиные головы нам сообщает также римский историк архитектуры Витрувий (вторая половина I-го в. до н.э.).

У льва вздыблена грива, глаза напряженно вспучены. Последнее неслучайно, ибо древние бестиарии описывают льва как животное, которое спит только несколько мгновений в сутках, да и то с открытыми глазами. Это подтверждал также авторитет Плутарха (45-127 г. н.э.). Считалось, что у льва наиболее «пронзительный» взгляд. У кошачьих действительно есть внутреннее веко и поэтому животное может спать с открытым первым веком. Бодрствование льва и его малая потребность в питье воды имели, конечно, отношение к тому, почему лев был избран охранителем источников. Но дело далеко не в этом.

Б.Л. Богаевский именно со льва начинает анализ интересующей нас сцены. В этой связи он указывает на семантику изображений льва в микенскую эпоху: олицетворение подземного источника. У такого льва была еще роль подземного чудовища, пожирающего злых людей²⁰. К этой характеристике хтонической роли исследователь добавляет одно из изображений Кербера, имевшее

львиную голову²¹. В применении к интересующей нас ситуации около источника голова льва, по Богаевскому, несет апотропеическое значение вообще и от дурного глаза в частности²². И так, апотропеическое, т.е. охранительное значение или, напротив, пожиратель людей?

Описанные исследовательские приемы Богаевского сугубо типологичны и их верность целиком зависит от личных предпочтений или эрудиции автора, впрочем, очень большой для еще сравнительно молодого человека. Но если со львом в его исследовании хоть что-то прояснилось, то относительно фигуры девушки и ее жестов типологический путь оказался мало продуктивен. Поэтому заключительный вывод Богаевского, что сведенные пальцы девушки предназначены тому, чтобы «убедить льва быть благосклонным»²³, выглядит умозрительной догадкой, если уж не совсем комично.

Беда в том, что конструкция Богаевского не уникальна. Это и по сию пору широко распространенный способ наивного одухотворения художественного образа. Упомянутая девушка, если она была в здравом уме, никак не могла убеждать быть благосклонным изображение, а не настоящего льва, да и то не фигуру всего льва, а только маску его головы. При подобной трактовке художественных образов на гидрии они становятся не эстетически, а магически действующими и уж никак не когнитивными.

8. *Ментальность времени*

Между тем современная наука отошла от популярных в конце XIX века теорий магического мышления, связанных, так или иначе, с теорией Люсьена Леви-Брюля (его идея сопричастности — алогичное неразличение первобытным человеком предикативных свойств объектов мира) и магической теории Соломона Рейнака. Последняя была развита в отношении открытых в конце XIX в. художественных шедевров человека древнекаменного века, которые были вскоре проинтерпретированы в духе магического происхождения ранних форм искусства — их целью якобы была охотничья магия и магия плодородия²⁴. Критику концепции магического мышления начали археологи уже в

²¹ Там же. С. 16.

²² Там же. С. 13.

²³ Там же. С. 27

²⁴ Reinach S. L'art et magie // Anthropologie. 1903. Vol.24. P. 257-263.

¹⁹ Богаевский Б.Л. Лев-охранитель // Журнал министерства народного просвещения. Янв. 1911. СПб., 1911.

²⁰ Там же. С. 15-16.

1930-е гг. Начиная с 1960-х гг. она была усилена трудах известного археолога и историка религии Андре Леруа-Гурана и его учеников²⁵.

Наконец, этнологический материал, проанализированный в трудах Клода Леви-Строса, положил конец магической концепции. Им была обнаружена логическая основа первобытного мышления. Но она выглядит иначе, чем та, к которой мы привыкли. Мышление «отскоком» (бриколажем), открытое Леви-Стросом, состоит во введении в процесс мышления позиции, названной им «медиатором»²⁶. А это и есть в предлагаемой модели мышления табло континуальности. Сейчас для нас важна целостность этого табло, а не предмета мышления. Целостность последнего может быть сколь угодно синтагматической, попросту говоря, образной, как пути Глейпнир.

В сцене у источника представлен еще один вид цельности. Это объемная текучая цельность воды. Шарообразность гидрии указывает на эту объемность, а три ручки, намекая на стабильность треножника, дают телу гидрии космологическую определенность. Девушка, несущая домой круглую гидрию, наполненную водой, причастна *космогенезу*. От этого мыслеобраза женщины и влаги останутся следы: в этнографической реальности Европы будут верить, что ведьмы управляют дождевыми тучами. В кавказской обрядности мне удалось зафиксировать правило, по которому женщина менструальные тряпки должна стирать в текучей воде, иначе у нее не будет детей. Текучая вода — время. Эту простую истину отметил Гераклит и мы чтим его мудрость. Девушка около источника вся находится в текучем времени и его отсчете. Наполненная гидрия — ее доля. Это тоже дожило до современности. В 1980-е годы я встречал в Абхазии старушек, которые в углу дома у потолка вешали бутылку с водкой (раньше шарообразную тыкву-горлянку). Этот сосуд назывался аамтаху — «доля времени». Большие глиняные кувшины в земле с вином (Абхазия и Мегрелия) наполнены также и временем, по идее такой кувшин должен содержать 365 столовых кувшинов вина. Малые кувшины — это уже человеческое доленое, т.е. исчисляемое время.

Наш лев-охранитель источника символически тоже связан с упругим временем текучей воды.

Мода на львиные изображения, на оформленные фонтанов и источников маскаронами льва в Грецию пришла из Египта. А там культ льва носил простое когнитивное происхождение — разлив Нила происходил тогда, когда палящее солнце вступало в созвездие Льва (29 июля — 22 августа)²⁷. Отметим, что в Египте обожествлялся в виде льва день: «Вчера» и «Сегодня» изображались им. Отсюда через этот когнитивный механизм понятна *ипостась льва как хранителя подземного источника*.

9. Обряды инвестирования блага

Чтобы понять смысловую связь девушки и льва, нужно, прежде всего, порвать натуралистическую логику их совместного изображения и перейти к когнитивной логике. То, что, изучая древний сюжет, мы стремимся познать новое, истина тривиальная. Гораздо интереснее выяснить, что нового происходит с девушкой, пришедшей к роднику. Она ведь находится во введомном пространстве у необходимейшего водного ресурса жизни. Она исполняет интересы семьи. Она окружена высоким ритуальным статусом. Опираясь на этнологические данные, можно реконструировать слагаемые ее статуса.

Родник — это место, куда за водой ходят незамужние девушки. Здесь они имеют возможность вдаль от дома общаться с ухажерами. О возникновении особых отношений прекрасно говорит смысл одной чеченской песни: когда звезда отразится в воде родника, между девушкой и юношей возникает любовь. В быту кавказских народов было так: к роднику на коне подъезжал молодой всадник и начинал изъясняться в чувствах. Девушка отвечала языком жестов. Если она носком ноги делала движения во внешнюю сторону, это означало «ты мне не нравишься» или «я уже занята, уходи». А если во внутреннюю сторону, то это обнадеживающий знак: «продолжай, твои речи мне приятны». Есть поэтический троп, космологизирующий описываемую ситуацию: «когда свет звезды (утренней или вечерней, речь идет о Венере) отразится в воде родника, возникает любовь».

Еще нам важно упомянуть специфические прогнозирующие обряды. Сошлюсь на украинский, входящий в цикл рождественских празднований. На Щедрый вечер, когда жена напекала хлебов, она ставила их горкой на столе в переднем

²⁵ Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole. T. 1-2. P. 1965.

²⁶ Леви-Строс К. Структурная антропология. М., 1983; он же: Первобытное мышление. М., 1994

²⁷ Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole.

углу. Хозяин прятался за ними. Звали детей, которые выстраивались у двери. Отец их вопрошал, видно ли им его за хлебами. Дети отвечали, что «нет, не видно». Хозяин тогда произносил фразу: «Чтобы и на следующий год был такой же хороший урожай»²⁸. Русская песня-заклинание, посвященная огромному караваю, превосходящему размеры человека, несет тот же прогностический смысл.

Механизм обряда, как и ритуала выхода из ситуации неузнавания, таков: происходит обмен «невидимости» (хозяина, нашего знакомого) на материальное благо. Строго говоря, на прогностирование этого блага.

В этом мы можем видеть разгадку античного сюжета со львом: он носитель зрения, но девушка должна быть не увиденной, чтобы стать женщиной и беременной. То есть, у источника прогностируется ее благо.

В архаическом когнитивном мышлении именно в силу ритуальной «невидимости» женщина может стать беременной, получить в себя «видящий» компонент. Это происходит от зародышей, которые, согласно представлениям народов с архаической культурой, вроде аборигенов Австралии, находятся в укромном месте и высматривают проходящих мимо женщин, чтобы внедриться в их тело.

Мы сами в силу такого архаического мнения называем растительные почки, скажем на картофелине, «глазками». Но это уже остаток древней мысли, трактовавшей видение как начало вещей и всяческого благополучия. Вот почему до сих пор мы, сразу не узнав приятеля и превращая неловкость в шутку, говорим: «Богатым будешь!».

Чтобы стать невидимыми, девушки на изображениях с гидрией поднимают руки и складывают пальцы в определенные жесты. Иногда ладонь ребром направлена ко льву. Это жест невидимости, аналогичный указательному пальцу, положенному вертикально на уста. Последний жест в наши времена толкуется как запирание рта, но в архаике-то никаких запоров не было. В нашей современной публичной жизни поднятая рука оратора читается как призыв к молчанию зала. Но в глубоком архетипическом энергийном значении оратор дает знак, что он хочет стать невидимым, но проинвестированным собравшимися людьми. Девушка у

источника ладонью, повернутой ребром, просит быть проинвестированной «видящим» львом.

Итак, лев — это зародыш и одновременно партнер женщины. Со львом у женщин интимная связь. Видно поэтому Геракл, убивший немейского льва, стал для женщин противником и гибнет от одной из них. Странные слова Деяниры, погубившей героя, о лучах солнца можно трактовать, что это оно воспламеняет яд, пропитавший его хитон. В образе Геракла есть черты героического персонажа в древнегреческом мифологическом смысле, где герой связан с почитаемой могилой, из которой на округу изливается благословение. Вообще все герои хтоничны по сути. То есть подземны по пребыванию, ассоциированы с темнотой, а не солнечны. Герои порождение ночного сознания, а не дневного.

В ночном сознании гораздо легче, чем в дневном, возникают синтагматические посланцы от табло континуальности. Потому-то кентавры, полулюди, полукони стали носителями мудрости, а один из них по имени Хирон, сын самого Зевса, воспитывал Геракла. Опять обращаем внимание на то, что по-гречески имя кентавра означает «рука».

10. Счет на пальцах

У нас рассмотрены еще не все жесты девушек, стоящих перед маскаронном льва с гидрией. Иногда ладони девушки подняты на высоту лица и тогда на правой руке бывают загнуты пальцы, чаще средний. В античности, да и сейчас в Средиземноморье средний палец — аналог мужского члена и показывание его служит жестом сексуального доминирования. Следовательно, девушка, демонстрирующая вычитание среднего пальца, говорит о готовности вступить в половую связь. Такое прочтение жеста вполне соответствует нашей когнитивной модели. Логика та же, что и в кавказском охотничьем мифе.

Кавказский охотничий миф идет из глубочайшего прошлого, когда богиня охоты была просто самкой тура, цель всего предприятия охотника. Столь же древен сексуальный фон этой охоты, с которым связана глубокая эзотеричность данного мифа. Мне его приходилось по частям и с трудностями собирать у сванских, абхазских, адыгских, балкарских и чечено-ингушских охотников. Но, кроме того, в этом эзотерическом мифе есть еще одна неожиданная и необходимая структурно-когнитивная сторона. Речь идет о происхождении счета путем загибания пальцев.

²⁸ Такой обряд известен и в русском быту. В античности подобное прятанье происходило непосредственно в поле за снопами.

Такой счет был довольно распространен в России в разных ее областях еще лет 50 назад. Но и тогда им пользовались уже только люди старших поколений. Загибались пальцы сначала левой руки потом правой. В некоторых местностях начинали с большого пальца, в других с мизинца. Был в ходу, но гораздо реже способ разгибания пальцев левой руки с помощью указательного пальца правой. Такой способ имел распространение в Европе и в некоторых других частях света. В старину на Руси было популярно исчисление начала Святой Пасхи по пальцам левой руки. Этот счет дополнялся символическим размещением букв старого русского алфавита²⁹.

Кое-где на Кавказе счет по пальцам был доведен чуть ли не до виртуозности. Так, по сообщению С.-М. Хасиева, в старину чеченские старики умели считать до 100, касаясь фаланг пальцев с внешней и с внутренних сторон и используя другие части кисти. По-видимому, есть совпадение наличия такой развитой системы счета с языком жестов, в частности с обычаем общения невестки со свекром только жестами (армяне, абхазо-адыгские и вайнахские народы). Миф о приглашении мужчины богиней охоты пальцами на 10-летний срок находится в этом ареале.

По поводу счета на пальцах существует гипотеза, поддержанная Вяч. Вс. Ивановым, о том, что на Ближнем востоке и в Западной Европе он мог быть регрессией от более абстрактных счетных систем древности. Кавказский ареал с очень древним, возможно, палеолитическим по истокам мифом о встрече охотника с богиней свидетельствует скорее в пользу исходности счета по пальцам. В этом же ареале явственно выступает ассоциация руки с женским началом, а соответственно с домашним очагом. Собственно говоря, и охотник приходит в богине охоты в ее природный дом. Даже мужчина, уходящий надолго из дома и оставляющий на притолоке двери отпечаток своей руки (записано у чеченцев), маркирует тем самым свою принадлежность к этому дому. В западной Грузии мне довелось записать историю, когда умиравшую старую женщину попросили рукой коснуться муки, дабы воспринять ее благословение как хозяйки.

Так или иначе, рука, точнее ладонь с пальцами, оказывается связанной с женским началом.

Причем это рука с раскрытыми пятью пальцами. Или обе руки в этом жесте. Это сугубо женский жест. Таков распространенный на Востоке фетиш «Рука Фатимы». Загибание пальца, о чем свидетельствует нам богиня охоты, символизирует союз с женщиной.

Непонятное до сих пор назначение палеолитических отпечатков рук становится понятным. Они сделаны обычно способом напыления охры на руку с каким-нибудь поджатым пальцем. От одного до всех пяти как в пещере Гаргас во французских Верхних Пиренеях³⁰. Исследователи обратили внимание на небольшие размеры рук, оставивших отпечатки. Теперь можно высказать обоснованное предположение, что это отпечатки женских рук. Они принадлежали девушкам, проходившим половозрастную инициацию.

Выражением перехода девушек из предбрачного состояния в брачное был счет на пальцах в обратном направлении: от 5 или 10 к единице. Приближение через вычитание к этой единице означало приближение к сексуальному партнеру. В такой системе единица означает мужскую особь. Нумерология отразила женскую ментальность становления брака, когда круг возможных партнеров суживался к одному. Мужская нумерология, напротив, возникала как наращение единицы возрастающими числами, что в брачных отношениях означало увеличение числа жен.

В мифологических системах подобное действие математического сложения выступает сюжетами о творении женщины из тела мужчины. Это не только создание Евы из ребра Адама, рождение Афродиты Зевсом. Даже у австралийских аборигенов, культуру которых считают чуть ли не аналогом палеолитической, есть миф: старшему брату было скучно странствовать с младшим, и он последнему проделал дырку между ног; так появилась первая женщина.

11. Жест и женщина

Исследователи уже обратили внимание на то, что в римских верованиях число 2 символизирует женщину. Психологи находят в бессознательном, видя в ней порождение женской анатомии (2 груди), а мужскую символику тройки выводят из тройственного состава мужского гене-

²⁹ Лебедев А. Рука Дамаскина. Методика нахождения дня Святой Пасхи Христовой [электронный ресурс] // <http://alebedev.narod.ru/lib/lib07.html>

³⁰ Фролов Б.А. Первобытная графика Европы. М., 1992. С. 54, 135.

ративного аппарата³¹. Наш материал заставляет отказаться от подобного натурализма с короткой дистанцией. Он принуждает обратиться к более длинным когнитивным процессам.

В этом отношении для нас уникальна статья Вяч. Вс. Иванова «К антропологии числа»³². Его внимание привлекла почти полная потеря числительных у амазонских индейцев пирахан в результате креолизации их языка. Ученый отметил, что она сопровождалась утратой названий пальцев.

Очевидно, нечто подобное мне приходилось отмечать в некоторых языках Кавказа. Так, в 1980-е годы многие носители ингушского и чеченского языков не знали названий пальцев руки, кроме большого и мизинца (*нанпелг* и *цазпелг*). Если опрашиваемый все же сообщал названия всех пальцев, то безымянному он давал кальку с русского. Только немногие люди из старших поколений смогли дать настоящее название безымянного — *дялпелг* («божий палец»). Как и в восточнославянском быту, у народов Северного Кавказа этот палец применяется в лечении заговором. В меньшей мере редукция названий коснулась более изолированных тюркских языков (балкарского), хотя и там она имела место. Здесь гипотеза Вяч. Вс. Иванова нашла подтверждение. Перед нами явное ограничение когнитивных возможностей языка.

Но вот другой пример. Безымянный палец считается пальцем Бога в жестах благословения у армянских священников, когда он смыкается с большим пальцем, символизирующим человека. Остальные распрямлены³³. В форме такого жеста руки исполнены хранилища для святых мощей в Эчмиадзине.

В общем выводе: пальцы, сложенные в жест, расширяют когнитивную сферу до уровня религиозной ментальности. А жест, восходящий к проксемическому знаку видения, доказывает свое первенство перед словесным языком.

В упомянутой статье Вяч. Вс. Иванова большое внимание уделено психическим механизмам опасения больших цифр, что в свою очередь, по его мнению, ведет к редукциям. Это справедливое и хорошо обоснованное наблюдение. Если

его дополнить нашими данными, то можно предположить, что подобные редукции были следствием торжества «женского» вычитания. Оно представлено в отмеченном Ивановым пастушеском мгновенном счете овечьего стада, когда человек сразу определяет отсутствие хотя бы одного животного.

Секрет этого счета в сведении всего стада к единице. Ее тревожная неполнота обнаруживается без пересчитывания каждой особи. Но отсутствие («вычитание») даже одного животного мгновенно обнаруживается. Примечательно, что в книге «Нечет и чет», характеризуя пальцевый счет у африканских зулу (пастушеский народ бантоидной языковой семьи) Вяч. Вс. Иванов отметил их «вычитательный способ обозначения»³⁴. Но тот же способ столь же древен у охотников-собираателей³⁵, как и у исконных земледельцев Древнего Египта. То, что древние египтяне считали на руках от десятки к единице³⁶, т.е. так же как богиня охоты в кавказском случае, говорит, что у охотников, скотоводов, равно как и у земледельцев и даже у *палеолитического человечества* счет носил изначально генеративно-половой характер.

Что вычитал из туши еще не убитого зверя палеолитический охотник, посылая молчаливое сообщение своим товарищам, указывая пальцем на него? Вычитал, скорее всего, душу, демонстрируя наличие уже сложных анимистических верований. А раз так, то он, следовательно, уже знал, что он охотится ради своей избранницы, ее детей и всей общины.

Итак, весь рассмотренный материал показывает, что женщина, призывающая мужчину для брачного союза, обозначает его символически единицей. Он апокалиптический избранник среди многих. Он аналогичен единичности охотничьего трофея.

Но кто же тогда женщина в этой генеративной нумерологии? Она сводит себя к нулю. Она готова идти навстречу к единице, ею наполниться. Получить от мужчины необходимые блага культуры. Стратегия ее поведения — быть неузнанной, чтобы услышать «Будешь богатой!» (Так мы и сейчас говорим человеку, если его не сразу узнали). За-

³¹ Devereux G. From Anxiety to Method in the Behavioral Sciences. P., 1967. P. 162.

³² Иванов Вяч. Вс. К антропологии числа [электронный ресурс] // <http://kogni.narod.ru/number>.

³³ Там же.

³⁴ Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М., 1998. С. 463.

³⁵ См.: Иванов Вяч. Вс. Избранные труды. С. 464. Рис. 17 «Жестовый счет от 1 до 30 у австралийского племени аранта».

³⁶ Там же. С. 464-465.

гадочность женщины — сторона ее неузнанности. Внимательный к жизни философ В.С. Библиер говорил, что у каждой культуры есть своя энигматичность.

Рискнем продолжить его мысль: женщина оказывается внутренней загадкой в каждой культуре. В тех, которые мы рассмотрели, женщина одновременно стремится стать единицей, равной Вселенной, при вычитании из которой

появляются блага. Ребенок, произведенный на свет, и сам свет тоже. В другой системе она ноль, которая получаемыми благами наращивается до единицы. Первая система исходит из изобилия мира, представления о чем характерны для палеолита и архаики. Вторая явно вторична и порождена патриархальными обществами. В кавказском охотничьем мифе мы натолкнулись на древнейшую из систем.

Список литературы:

1. Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб, 2007.
2. Богаевский Б.Л. Лев-охранитель // Журнал министерства народного просвещения. Янв. 1911. СПб., 1911.
3. Делёз Ж. Складка, Лейбниц и барокко. М., 1987.
4. Лебедев А. Рука Дамаскина. Методика нахождения дня Святой Пасхи Христовой [электронный ресурс] // <http://alebedev.narod.ru/lib./lib07.html>.
5. Иванов Вяч. Вс. К антропологии числа [электронный ресурс] // <http://kogni.narod.ru/number>.
6. Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Том 1. М., 1998.
7. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.
8. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М., 1983.
9. Мамардашвили М.К. Стрела познания. набросок естественнонаучной гносеологии. М., 1996.
10. Нанси Ж.-Л. Corpus / Сост., общ. ред. и вступит. ст. Е. Перовская. М., 1999.
11. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ, 1986.
12. Пятигорский А.М. Мифологические размышления. М., 1996.
13. Сартр Ж.-П. // Логос-92. № 3. С. 109-110, 114-115.
14. Фролов Б.А. Первобытная графика Европы. М., 1992.
15. Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления / Пер. В.В. Библихина. М., 1993.
16. Чеснов Я.В. Тело в облачении одежд // Лекции по исторической этнологии. М.: Гардарики, 1998. С. 209-233.
17. Чеснов Я.В. Дракон: метафора внешнего мира // Мифы Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1985.
18. Чеснов Я.В. Эстетические онтологии народной жизни // Научные записки отдела народной художественной культуры. Современные художественные практики. М.: Гос. инст. искусствознания, 2007.
19. Чеснов Я.В. Сократ и топы архаики // Ориентиры. Вып. 4 / Отв. ред. Т.Б. Любимова. М.: ИФ РАН, 2007. С. 98-118.
20. Чеснов Я.В. Ландшафт и мышление // Труды членов РФО. Вып. 10. М., 2005. С. 145-152.
21. Юнг К.Г. Архетип и символ. М., 1991.
22. Devereux G. From Anxiety to Method in the Behavioral Sciences. P., 1967.
23. Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole. T. 1-2.
24. Levy-Strauss C. Mythologiques. T. IV. P., 1966.
25. Reinach S. L'art et magie // Anthropologie. 1903. Vol. 24. P. 257-263.

Источники: Материал, собранный С.-М. Хасиевым и сообщенный мне в ходе наших совместных экспедиций по Чечне в 1980-1990-е годы.

References (transliteration):

1. Akhutin A.V. Antichnye nachala filosofii. SPb, 2007.
2. Bogaevskiy B.L. Lev-okhranitel' // Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya. Yanv. 1911. SPb, 1911.
3. Delez Zh. Skladka, Leybnits i barokko. M., 1987.

4. Lebedev A. Ruka Damaskina. Metodika nakhozheniya dnya Svyatoy Paskhi Khristovoy [elektronnyy resurs] // <http://alebedev.narod.ru/lib./libo7.html>.
5. Ivanov Vyach. Vs. K antropologii chisla [elektronnyy resurs] // <http://kogni.narod.ru/number>.
6. Ivanov Vyach. Vs. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. Tom 1. M., 1998.
7. Levi-Stros K. Pervobytnoe myshlenie. M., 1994.
8. Levi-Stros K. Strukturnaya antropologiya. M., 1983.
9. Mamardashvili M.K. Strela poznaniya. Nabrosok estestvennonauchnoy gnoseologii. M., 1996.
10. Nansi Zh.-L. Corpus / Sost., obshch. red. i vstupit. st. E. Perovskaya. M., 1999.
11. Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoy skazki. L.: LGU, 1986.
12. Pyatigorskiy A.M. Mifologicheskie razmyshleniya. M., 1996.
13. Sartr Zh.-P. // Logos-92. № 3. S. 109-110, 114-115.
14. Frolov B.A. Pervobytnaya grafika Evropy. M., 1992.
15. Khaydegger M. Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya / Per. V.V. Bibikhina. M., 1993.
16. Chesnov Ya.V. Telo v oblachenii odezhd // Lektsii po istoricheskoy etnologii. M.: Gardarika, 1998. S. 209-233.
17. Chesnov Ya.V. Drakon: metafora vneshnego mira // Mify Vostochnoy i Yugo-Vostochnoy Azii. M., 1985.
18. Chesnov Ya.V. Esteticheskie ontologii narodnoy zhizni // Nauchnye zapiski otdela narodnoy khudozhestvennoy kul'tury. Sovremennye khudozhestvennye praktiki. M.: Gos. inst. Iskusstvoznaniya, 2007.
19. Chesnov Ya.V. Sokrat i topy arkhaiki // Orientiry. Vyp. 4 / Otv. red. T.B. Lyubimova. M.: IF RAN, 2007. S. 98-118.
20. Chesnov Ya.V. Landshaft i myshlenie // Trudy chlenov RFO. Vyp. 10. M., 2005. S. 145-152.
21. Yung K.G. Arkhetip i simvol. M., 1991.
22. Devereux G. From Anxiety to Method in the Behavioral Sciences. P., 1967.
23. Leroi-Gourhan A. Le geste et la parole. T. 1-2.
24. Levy-Strauss C. Mythologiques. T. IV. P., 1966.
25. Reinach S. L'art et magie // Anthropologie. 1903. Vol. 24. P. 257-263.

Istochniki: Material, sobranny S.-M. Khasievym i soobshchenny mne v khode nashikh sovmestnykh ekspeditsiy po Chechne v 1980-1990-e gody.